

Костромской государственной историко-архитектурной
и художественной музей-заповедник

МУЗЕЙНЫЙ ХРОНОГРАФ

Сборник статей и материалов
сотрудников Костромского музея-заповедника

Кострома
2014

УДК 006.9(471.317)
ББК 79.1
М895

*Печатается по решению
Ученого совета Костромского музея-заповедника*

М895 Музейный хронограф. Сборник статей и материалов сотрудников Костромского музея-заповедника / ОГБУК «Костромской музей-заповедник». Вып. 6. – Кострома: ДиАр, 2014. – 240 с.: ил.

ISBN 978-5-93645-073-0

Шестой выпуск Музейного хронографа знакомит читателей с новыми исследованиями в области костромской региональной истории и культуры. Сборник включает традиционные разделы: «Из истории костромского края», «Музейное собрание Костромского музея-заповедника», «Художественная жизнь на костромской земле» и «Публикация исторических источников из собрания Костромского музея-заповедника».

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой России и, в частности, костромского края.

ББК 79.1

© ОГБУК «Костромской музей-заповедник», 2014
ISBN 978-5-93645-073-0 © Издательство «ДиАр», 2014

ОБАЯНИЕ АРКТИКИ
(к биографии Н. П. Демме)

*Личность по существу своему непокорна и непослушна,
она есть сопротивление, непрерывный творческий акт.
Истинная аскеза, связанная с личностью,
есть героическое начало в человеке¹.*

Н. А. Бердяев

В 1930-е годы XX века арктические исследования стали частью государственной политики СССР. Эти годы вошли в историю как годы освоения Северного морского пути, годы выдающихся арктических экспедиций. Отважные исследователи на побережье и островах Арктики от Кольского полуострова до Чукотки, от Земли Франца-Иосифа до острова Врангеля создавали сеть полярных станций, проводили комплексные научные морские экспедиции. Среди тех, кто пришел в те годы в Арктику и решил связать с ней свою судьбу была и Нина Петровна Демме – удивительный, целеустремленный, сильный человек, оставивший след в истории освоения Арктики, но в наше время практически забытый.

Родилась Нина Петровна в Костроме в 1902 году и была внебрачным ребенком крестьянки Рябцевой Марии Ивановны. При креще-

*Демме Н. П. – костромичка,
первая женщина-полярница. 1938 г.*

Из собрания Костромского музея-заповедника. КМЗ КОК-15505

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 2006. С. 47.

нии девочка получила отчество по имени крестного отца крестьянина Ярославской губернии Петра Рябцева. Воспитателем же ее был мещанин Людвиг Федорович Демме, в разные годы занимавшийся земледелием, садоводством, птицеводством и служивший в земстве. Некоторое время он владел швейным магазином в Костроме. При оформлении паспортной книжки Нина Петровна получила его фамилию. Поэтому Демме смогла поступить в Григоровскую женскую гимназию. Затем она закончила образцовую школу при учительской семинарии, а в 1919 году – первую трудовую школу-коммуна. В течение 1919 – 1921 гг. она входила в состав губкома комсомола. Следующим восьмилетним этапом ее жизни была учеба в Географическом институте, позднее преобразованном в географический факультет Ленинградского университета. Профессорско-преподавательский состав института был просто блестящим – А. Е. Ферман, Л. С. Берг, А. А. Борисьяк, Д. В. Наливкин, В. Г. Богораз-Тан, А. А. Бялыницкий-Бируля.

В собрании Костромского музея-заповедника бережно хранятся фотографии, документы – автобиография, воспоминания и письма Н. П. Демме, адресованные корреспонденту газеты «Северная правда» Светлане Степановой, датированные 1975 годом – а также личные вещи полярницы. Вот как она вспоминала о годах учебы в институте: *«В институте была колоссальная многопредметность: 54 теоретических предмета и столько же практических занятий числилось в программе обучения. Мы сами организовали общежитие, заняв под него особняк на канале Грибоедова. Среди зеркала до высоченных потолков и белых кресел екатерининских времен мы расставили свои “буржуйки” и колченогие койки. Я избрала себе место обитания в комнате, обитой пробкой. В нее можно было взобраться по винтовой лестнице, из нее открывался широкий вид на город. В комнате стояла койка с тощим тюфячком, покрытая тонким одеялом, лежала “думка”, стены были голы и только над столом, заваленном книгами, висела небольшая литография “Порыв” – златокудрая женщина, обратившая лицо к ветру на фоне волнующего моря»². В 1925 году, закончив Географический институт, Нина Петровна поступила в Ленинградский Государственный Университет.*

Семенова А. В.,
старший научный сотрудник
отдела хранения и изучения музейных предметов
Костромского музея-заповедника

2. Костромской музей-заповедник. КМЗ НВ-17597. Жизнеописание Демме-Рябцевой Н. П. Ленинград. 20 февраля 1959. Л. 13.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. П. ДЕММЕ:

АРКТИКА

«По окончании Университета в 1929 году я имела уже солидный опыт экспедиционной работы и была направлена в Арктику в качестве научного работника-биолога.

Мы снаряжались в экспедицию в Ленинграде и Архангельске более двух месяцев, закупаая продовольствие, снаряжение, получая на заводах оборудование, грузя трюмы ледохода далеко за полночь. Отто Юльевич Шмидт (начальник экспедиции)... был прост и доступен. Заломив назад кепи, он сам был похож на комсомольца, так же дурачился в веселую минуту и не отставал от нас ни в озорстве, ни в остроумии.

В конце июля, в яркий полдень, при многолюдном стечении провожающих, ледокол «Георгий Седов» ушел с широкого рейда Северной Двины, держа курс на Землю Франца-Иосифа.

Земля Франца Иосифа. 1930-е гг.

Из собрания Костромского музея-заповедника.

КМЗ КОК-45176

И развернулся перед нами студеный океан! ..., над которым круглые сутки ходило солнце; зеленоватые тени скользили в вечерней воде; закат растилался ярко-карминово-красными облаками по всему горизонту; у борта ныряли хищные касатки, вздымая темные полукружия своих спин с острыми высокими плавниками; в небе носились буревестники, низко скользя над самой водой.

Вот и Новая земля... Не думала я тогда, что темные громады ее островов позднее будут исхожены мною и по суше, и по воде, что так долго она мне будет служить «домом родным»...

Вскоре льды дали о себе знать скрежетом о борта ледокола. В трюме мы помещались в непосредственной близости к ледовой обшивке, по соседству с ползущей давящей стихией... Сколько раз впоследствии льды налезали на наши шлюпки, катера, уносили нас в открытое море, или служили зыбким мостом при переправе на берег или на корабль.

Ледокол встал в бухте Тихой... и объект моих исследований на скале Рубини находился за этой бухтой; и не раз мне приходилось прощаться с белым светом из-за ее крутого «нрава». Пойдешь на маленькой стрельной лодочке по этой бухте, как по голубому маслу, а она ощерится белыми гребнями и начнет тебя бросать как соломинку на сбитых коротких волнах, или надвинет неожиданно громады льдов, так что еле доберешься до Рубини-Рок.

Рубини-Рок вот где оставлено мое сердце! На эту отвесную скалу, выступающую из океана и сложенную шестигранными базальтовыми столбами, можно взобраться в одном узком месте, где скала примыкает к матерому берегу. Я впервые с большим трудом взобралась на нее в июльский яркий день и очутилась на слегка возвышенном плато, поросшем слоевидными лишайниками «кладония арктика». Пластика тела каждого лишайника, величиною с тарелку, прикреплялась к камню в одной точке посередине. Каждая насчитывала 300 – 400 лет жизни – так медленно она растет!

На Рубини-Рок я услышала незабываемый, до крайности своеобразный шелест сухих слоевищ под легким ветром; там я увидела как облако, разгуливающее по земле, подобралось к ее подошве, затем охватило ее до вершины, а лишайники, впитывая влагу, набухали, тело их морщилось, они... зашевелились как живые существа. Набухшие они стали похожи на блестящие черные розы.

И когда товарищи звали меня на юг, я им отвечала: – «Шелест лишайников в северных скалах милей мне цветущих долин юга».

Год зимовки среди скал, снега и льдов, в наблюдениях над невиданными ранее животными и растениями, прошел быстро.

Идешь бывало, по куполу ледника, что гигантской шапкой накрыл остров, осторожно нащупываешь снежные мосты над трещинами, чтобы не провалиться на страшную их глубину, и видишь как далеко внизу, у кромки припая ходят белые медведи семьями и одиночками; в бинокль открываются подробности их жизни: выжидание и добыча ими тюленей у продухов во льду, игры медвежат, повадки при переходе через торосистые полосы льда и трещины, плавание в полыньях и разводьях, нередко драки, особенно весной, когда за одной самкой ходят по пять-шесть самцов. Не раз приходилось сталкиваться вплотную с медведями и поневоле убивать, но чаще мы расходились мирно даже тогда, когда звери были не в меру любопытны. Так было у ледника Юрия, когда медведица с двумя медвежатами шла по льду, дыша мне в затылок и отстала только в торосах, обеспокоенная тем, что медвежата, среди нагроможденных глыб льда, терялись из поля ее наблюдения.

Всего хуже, когда беда наступала тебя в одиночестве. Как-то в декабре в лунную ночь я одела шерстяной свитер и пошла на лыжах проверить снегомерные рейки, расставленные на куполе ледника. Отойдя километра четыре от базы, я неожиданно провалилась в трещину, но задержалась на глубине 8 – 10 метров на изломе ее. Взглянув вверх, я увидела на фоне темного-темного, как бархат, неба кружево ледяных кристаллов, осевших на стенках трещины и блиставших под лунным светом; а внизу подо мною грохотала лыжная палка, все никак не достигавшая дна... И пришлось мне выдалбливать зарубки рукояткой нага на противоположной стенке. К счастью, трещина была узкой, так что в одну я упиралась спиной, а по другой – переставляла ноги по зарубкам..., только через два часа я выскочила на поверхность. И показалось мне, что я нахожусь на луне – так страшно-пустынно, бело и мертво было вокруг, так я озлябла, переволновалась и устала. Только, подходя к базе, я почувствовала душевное тепло от желтых керосиновых ее огней, от приветов встревоженных товарищей, почувствовала, что нахожусь на нашей милой сердцу планете – Земле!

На зимовке нас было 11, из них 10 мужчин; я считалась первой в мире женщиной, зимовавшей в Арктике в качестве научного работника. За рубежом считали такой эксперимент рискованным, выдумывали всякие небывлицы..., а нам некогда было думать о необыч-

ности нашей зимовки и вся шумиха, поднятая вокруг нас, – только раздражала. Мы жили обычной жизнью советских людей, порой забывая, что на нас «смотрит мир».

Возвратясь на материк, мы обработали материалы и в 1932 году вновь плыли еще дальше на Север, в еще более заваленные льдом моря, к еще более таинственной и неизвестной северной Земле.

Северная Земля

На необитаемой, только что положенной на карту Северной Земле нас было всего четверо, из них трое мужчин. И опять за границей поднялась шумиха по поводу женщины-полярницы – начальника зимовки. Наша малочисленность создавала некоторые неудобства: мне слишком часто приходилось выходить в дальние маршруты одной.

Карта Земли была еле обозначена, но мое географическое образование помогало ориентироваться. Но все же однажды я заблудилась. Навалился с моря густой туман; все очертания стерты. Я распрягла собак, приколила их к общей цепи, закрепленной на льду металлическими колышками и села на нарту, распевая песенки и дожидаясь когда рассеется туман. Вдруг тревожно залаяли собаки; зная по опыту, что это означало близость зверя, я успела выхватить из ошейников двух собак. Огромный медведь свалился с обрыва мне на нарты: собаки вырвали колья и окружили медведя, а он ревел, размахивая лапами над моей головой; я увертывалась, стараясь вырвать винтовку из чехла, привязанного сбоку вдоль нарт. На беду замок винтовки застрял в дыре чехла, изодранного в торосах на длинном пути. Все же мне удалось изловчиться и выхватить винтовку... но... плохо стрелять, когда мушка пляшет... Собаки оттеснили медведя на обрыв, а три свободных от цепи погнали его израненного в торосы на море. Взобравшись на плато, я увидела собак, запутавшихся и сбившихся в кучу. Где-то далеко лаяли увязавшиеся за зверем, но вскоре и они вернулись. У Османа брюхо было вспорото и кишки волочились по снегу. Собрала всех, снова приколила, раскинула палатку, зашила Османа, вправив ему кишки, уложила на нарты и снова пустилась в путь.

Северная Земля богата фауной. На суше обитали олени, медведи, песцы и северные полевые мыши-лемминги, в море различные тюлени и китообразные, рыбы и разнообразные беспозвоночные, было много птиц. Громадное впечатление производили массовые

скопления китообразных. В ноябре море было долго свободно от льдов и весьма бурно. По открытой воде проходили с севера на юг громадные стада белух (десятки тысяч голов). Это было странное зрелище: до самого горизонта поверхность моря кипела от вздымающихся белых спин белух. Странствия этих китов исчислялись тысячами километров. Они шли за косяками сайки, которую и поедали. В эту осень сильными штормами смыло наше продовольствие и топливо и чуть избушку нашу не унесло.

Второй год зимовки был вынужденным, так как нашу Землю завалило тяжелыми льдами и ледоколы, самолеты не могли к нам подойти. Тогда не было еще концентратов, витаминов и несмотря на свежину (медвежье и тюленьё мясо, собачья кровь) один из нас заболел цингой. Тяжелый это был год. Сплоченные льды оттеснили от берегов все живое, собаки голодали, бегали бешеные песцы. Уже осенью 1934 года нашу зимовку снял летчик Алексеев, сев на узкое разводье в припае. Мы вывезли на самолете и заболевшего цингой товарища и он умер лишь на ледоколе, стоявшем у мыса Челюскина.»³

**Из письма О. Ю. Шмидту
от 20 марта 1938 г.**

«Дорогой Отто Юльевич! Несмотря на то, что в моих стремлениях на север были неверные шаги, я продолжаю оптимистически смотреть на возможности моего участия в освоении полярных пространств. Основанием этого оптимизма служит факт рассмотрения Вами моего предложения организовать женскую зимовку в 1937 г. Отто Юльевич! Вы знаете, что без особой нужды я не загружаю Вас своими просьбами. Наш последний разговор с Вами в марте прошлого года был вызван тем обстоятельством, что у меня с руководством биологического отдела ВАИ создались невозможные отношения. Наросло столько мелких несправедливостей, создалась такая густая сеть нарочно поставленных и замаскированных формой трудностей, что я обратилась прямо к Вам.

Тогда Вы меня отослали снова на линию огня, наибольшего сопротивления, именно в Арктический институт. Я приняла это как должное и снова в течение полугода вела борьбу с двуличием, сплетней и бюрократизмом. Была восстановлена в правах сотруд-

3. Костромской музей-заповедник. КМЗ НВ-17597. Жизнеописание Демме-Рябцевой Н. П. Ленинград. 20 февраля 1959. Лл. 19-27.

ника, противники мои растеряли оружие и вынуждены были уйти из института. Будучи сотрудником Беломорской зверобойной экспедиции, я подала заявление в аспирантуру ВАИ и была принята. Своей диссертационной темой я избрала монографическое описание Северной Земли (фауны). Все она же – Северная Земля – суровая и труднодоступная увлекает меня, и не могу я отказаться от нее, невзирая на все потери, на все неудачи в ее освоении. Моя просьба к Вам на этот раз заключается в следующем: задумайтесь хоть на минуточку о возможностях моего пребывания на Северной Земле в навигацию 1938 г.! Я думаю, что нет нужды доказывать Вам необходимость этой поездки. Всякий новый материал, касающийся указанного района, явится неоценимым вкладом в работу. Не все коллекции мне удалось захватить с Северной Земли, и те, которые привезены, попали в наводнение в Л-де. Фонтанка затопила подвалы Арктического института, и коллекции, собранные Г. А. Ушаковым и мною, погибли. Мне нужен материал наблюдений по южным частям Северной Земли и коллекции. Руководство ВАИ обещает поставить вопрос о моей зимовке на будущий год. Но мало ли что может быть на будущий год. Стихия Севера такая неверная...

Если бы мне удалось пойти с одним из ледоколов в навигацию этого года – было бы в высшей степени полезно. Моя поездка не обойдется дорого. Я обойдусь без помощников. Если Вы помните, я привыкла работать в Арктике одна и небезуспешно. Одиночество в полевых исследованиях меня не остановит.»⁴

Новая Земля

«Годы ушли на обработку собранных материалов. Я успела закончить аспирантуру при Арктическом институте по разделу промысловая биология... и была направлена на Новую Землю, вооруженная знанием биологии промысловых зверей и птиц. Новая Земля... уже обжитая земля! Наконец-то, я добралась до людей! А люди на новой земле – необыкновенные. Это в большинстве – поморы, смелые, сильные, правдивые. Им был совершенно чужд дух стяжательства. Если почему-либо один не добирал по плану промысла, другой безвозмездно делился с ним хлебом, маслом, сахаром, одеждой и обувью.

4. Аветисов Г. П. Нина Петровна Демме: первая женщина – начальник полярной станции // Российские полярные исследования. 2014. № 2 (16). С. 53.

Гаги на отдыхе

*Рисунок Н. П. Демме из кандидатской диссертации,
сделанный в период экспедиций 1939 – 1944 гг.*

И даже при наличии людей на Новой Земле мне все же много приходилось работать в одиночестве.

В прибрежье Новой Земли находится масса мелких скалистых островов, на них-то и располагались самые многочисленные в мире знаменитые гагачьи гнездовья. Одной из моих задач было изучение биологии гаги, выявление новых гнездовий, обследование всех островов (а их было более сотни), выяснение закономерности расселения птиц, доступность их промысла и др. вопросы. При обследовании нужно было ездить, облазить все острова, снять их на карту и описать, сосчитать все гнезда – все это требовало времени и тщательности.

Обычно промышленники завозили меня на катере в промысловую избушку, пустовавшую обычно летом, оставляли мне продовольствия недели на три-на месяц и уходили, а я оставалась и ездила на острова в маленькой стрельной лодке... Идешь на этой скорлупочке в тумане среди бесчисленных островов и проливов и кажется, что стрелка компаса бешено вертится во все стороны. Но стрелка

показывает на север, а это лодка вертится от малейшего неравномерного удара веслами. Если идти в тумане, доверяя только своим ощущениям, то можно выйти в открытое море, далеко от берега, что на лодке весьма опасно. На Новой Земле шторм может возникнуть в течение 10 минут, вследствие неровного давления над морем и над массами матерых островов.

Так именно случилось со мной однажды. Это было у становища Русаново, на юге Новой Земли. Был полный штиль и густой туман; я вела лодку точно по компасу и вдруг почувствовала, что ее подбросило на волне, еще волна... и тут я увидела совсем недалеко громадное темное тело касатки... еще и еще и еще... “Надо вырваться, опрокинуть!” напрягла все силы, лодка полетела стрелой, тут уж не до компаса! – лишь бы уйти. Касатки отстали, но я очутилась у острова Оленьего в шести километрах от матерого берега. Два дня я выжидала на острове погоды для переправы на базу, помощи ждать было не откуда.

... У Русанова же я увидела большие колонии бургомистров... Мое появление на гнездовье вызвало такой переполох, что я на мгновение пожалела о своей дерзости. Громадные распростертые крылья вызывали над моей головой целые вихри, стремительный полет птиц прямо в лицо заставлял приседать и хвататься за оружие. Над убитым собратом птицы долго кружили, оглашая море вокруг тоскливыми громкими криками. Не только песцу, но, пожалуй, и медведю не захочется лакомиться здесь яйцами и птенцами.

Ах, какое богатство орнитофауны на Новой Земле! Рано, рано утром, при нежных тонах поднимающегося над горизонтом солнца, просыпаешься от гомона множества гусей – то белощекие казарки идут к морю по широкой долине острова. Громадное стадо, более тысячи голов, не спеша спускаются к воде и плывут эти гордые птицы, кивая головками и собирая с поверхности плавающих существ. Рядом с лодкой вынырнет яркий горбоносый профиль гаги-гребенушки, а сверху на самом краю обрыва заглядывают вниз весьма симпатичные маленькие тупики, как бы недоумевая, что покой их в их каменных норках кем-то нарушен так рано. Подальше в море высунулось из голубой воды сизое тело нерпы с ее большими и загадочными темными глазами на круглой голове. Воздух чист и прозрачен, над землей вьются мелкие птахи и веселая песенка их разливается нежными трелями, придавая всему вокруг колорит какого-то безмятежного мира и покоя.

В 1945 году еще до окончания войны я вернулась в родной измученный Ленинград, а через год в 1946 году защитила диссертацию на звание кандидата биологических наук. Преподавала Мичуринскую биологию, Дарвинизм и Зоологию позвоночных. Через три года получила звание доцента.

Но вновь с неудержимой силой потянуло меня на привычные, милые сердцу просторы!

На Северной Оби

Свое пятидесятилетие я встретила в дальних походах среди древних кедровых лесов Северной Оби. И снова я жила среди промыслового населения – хантов, манси и ненцев.

... я помню на крутом повороте олени выбросили меня с нарт; фотоаппарат, висевший у меня сбоку, послужил причиной повреждения ребра при падении моем и ударе об упавшее в бурелом дерево. Еле я села на нарты от боли, спускалась ночь, мы свернули с дороги и заехали в избушку охотника-ханты. Здесь я была свидетельницей “пляски медведя”. Оказывается незадолго до нашего прихода охотники застали медведя, устроившегося на зимнюю спячку в сенах избушки. Пришлось его убить. Но по представлениям ханты, медведь способен мстить за смерть своих собратьев. Над шкурой, которая снималась не повреждая головы, устраивались священные танцы, в которых люди убеждали медведя не мстить, не обижать их и всячески оправдывали это невольное убийство.

Яркий огонь, пылающий из чувала (род древнего камина) освещал мертвую голову зверя и его запавшие закрытые глаза, шкуры, свисавшие с потолка, характерную деревянную утварь, олени рога и упряжь, а также двух школьников, которые приехали из интерната к родителям на каникулы и которые, не обращая внимания на пляшущие фигуры старших, мирно играли в олений, вылавливаемых арканом из кораля. Олени были наскоро сделаны из лучинок с закрученными стружками, кораль и арканы – из ниточек.

... И вновь пришлось мне много проплыть по таежным бурным глухим рекам на маленькой лодке-калганке, один на один с дикой природой. В моем ведении было 28 колхозных звероферм, разбросанных на пространстве в 1200 км в диаметре. Всех их нужно посетить, заложить или проверить опыты по кормлению и содержанию серебристо-черных лисиц, норок и голубых песцов, проинструктировать население, изыскать источники кормов и, наконец, лечить заболевших зверей.

Идешь по реке и 80 и 100 км и ни души! Останавливаешься на ночлег, опрокинув над собою лодку или наломав кедровых веток. Только стаи птиц носятся, да выходят к водою лоси...

Мне трудно было уйти на пенсию, но хронический бронхит заставил меня это сделать.

Думаю, мое настоящее безмятежное существование ненадолго. Север зовет!»⁵

Нина Петровна Демме умерла в Ленинграде 16 марта 1977 г. В справке, полученной из архива городского крематория, сказано, что урну с прахом забрала родственница И. Я. Водзинская (фамилия написана неразборчиво) для захоронения на кладбище г. Костромы.

5. КМЗ НВ-17597. Жизнеописание Демме-Рябцевой Н. П. Ленинград, 20 февраля 1959. Лл. 28-36.